

18+ Андрей G

АМОРОФЕННЫЕ

ДЕТЕКТИВ

Андрей G

Замороженные. Детектив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27613163

ISBN 9785449000811

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Роман-загадка, детектив-игра, представляющий четыре разных взгляда на одно и то же преступление – убийство – и определить, какой версии верить, может лишь сам читатель.

Содержание

1. Обморок	5
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Замороженные Детектив

Андрей G

© Андрей G, 2020

ISBN 978-5-4490-0081-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Обморок

*Обморок —
внезапная потеря
сознания.
«Большой медицинский словарь»*

Дубинку я купил в магазине спорттоваров «Богатырь» на пересечении Ленина и Красноармейской. Вернее, это и не дубинка даже, а «эспандер плечевой универсальный», как значилось на этикетке, но я сразу понял – то, что надо. Лежала она там, где Слон и говорил, на верхней полке, почти у самого потолка, за баскетбольными мячами и боксерскими перчатками, будто прячась от обычных посетителей-спортсменов.

Меня дожидалась.

Нам ведь оружие иметь запрещено, ну, то есть, устав карательной службы университета (или как он там еще называется) вопрос этот как-то стыдливо обходит, а здесь – железная пружина диаметром сантиметра в четыре – двумя руками еле-еле согнешь, и с обоих концов красные пластмассовые ручки. Вроде, спортивный снаряд, а если завернуть в журнал или газету, и вовсе не заметит никто, подумают, идет себе студент со свернутой в рулончик прессой в руке. А если такой дурой – да, по башке – мало не покажется. И когда ощущаешь ее уверенную тяжесть, по гулким пустынным коридорам

дорам разгуливать не так уж страшно.

Чувствуешь себя настоящим bodyguard.

Это Слон так выразился.

Покачав ее в руке.

Саньчу мое приобретение тоже понравилось.

– Ну, и дура! – так и сказал он уважительно.

Попытался сразу пристроить дубинку к себе. Он, по-моему, все наше имущество наивно считает совместным. Я не спорю. Осмотрелся придирчиво с ног до головы, сунул за пазуху, но из рукава она благополучно вывалилась, потому что слишком тяжелая, а внутренние карманы в его куртке принципиально не предусмотрены. Видимо, чтобы пилоты не проносили на борт что-нибудь запретное.

Типа дубинок.

Саньч круглый год ходит в знаменитой (как он уверяет) короткой, по пояс, нейлоновой МА-1 или, если официально и полностью, «Куртка, Лётчики, Средний тип человека МА-1 (MIL-J-8279)». Вот сейчас, хоть на улице, вроде, уже и весна началась, но все еще – сибирский мороз, он – в этой самой куртке. Пропитана водоотталкивающим составом и рассчитана на температуру от 0 до 60 градусов по Фаренгейту (от -18 до +15 градусов Цельсия). Их выпускают аж с 1950 года для американских военно-воздушных сил, с тех пор, как америкосы стали летать на реактивных истребите-

лях и надобность в тяжелых кожаных тулупах с овчинным воротником отпала, от холода на высоте 8000 метров они все равно не спасали. Сначала меховой воротник достался по наследству и синтетическим курткам, коей является и МА-1, но скоро его заменили на трикотажный, потому что меховые, как выяснилось, мешают парашютным стропам и время от времени, будто бы, даже эти стропы запутывают.

Я теперь специалист по летным курткам почище модельеров американских военно-воздушных сил.

– Посмотри, какой дивный цвет, – говорит обычно Саныч, поглаживая сам себя по бокам.

«Дивный» в его устах звучит, как что-то уж совсем из ряда вон выходящее. Цвет – его гордость. Он «midnight blue», «полночный синий», а это, по словам Саныча, значит, что куртка – одна из самых первых и, возможно, в ней еще в корейской войне кто-то воевал. «МА-1» не знают сноса. Саныч уверен, что они вечные.

«Alex A. Kotoff,» – написано на шевроне, только это вряд ли может быть пилот, потому что это имя и фамилия Саныча.

Оказывается, еще до Вьетнама, о котором, пожалуй, все знают, в начале пятидесятых США успели пострелять на стороне южных корейцев против северных. После Кореи Пентагон перешел на «sage green», «шалфейный зеленый», а еще

позже (с 1960 года) добавили яркую подкладку «indian orange», «индийский оранжевый», чтобы сбитый пилот мог вывернуть куртку наизнанку, и свои его быстренько заметили с воздуха.

У Саныча подклад неопределенного серо-зеленого цвета, которому красивого названия, видимо, не успели придумать. Зато эмблемы ВВС США на обоих рукавах (с 1960 года их убрали вовсе). Карман на рукаве (под сигареты), здесь же, на рукаве – патронташ для карандашей и ручек с похожими на пули заостренными капюшончиками сверху каждого отделения (чтобы карандаши не мазались и чернила не пачкали форму), специальные петли на груди для кислородной маски и провода радиосвязи (эти аксессуары потом решили отделить от куртки) и боковые карманы расположены так, чтобы пилот не разгуливал по взлетной полосе, держа руки в карманах, как какой-нибудь гражданский.

Есть еще хитрый знак, по которому можно отличить настоящую МА-1 от поддельной: черно-белый ярлык с тремя полосками вшит внутрь левого кармана.

– Слышишь, левого! – благоговейно произносит Саныч, будто открывает мне военную тайну. – Другой такой куртки у нас точно нет. Ну, может, в Москве. Или в Питере. Здесь она точно – единственная.

Когда я поехал поступать, мама посоветовала всех новых

людей, цифры, события, чтобы не запутаться, записывать в блокнот. Куртка значилась там на первой странице.

– Потом, конечно, ты и так все запомнишь, – сказала она. – Но в первое время будет гораздо проще, если в любой момент можно будет заглянуть в свои записи.

Мама у меня учительница математики, и знает, что говорит. У нее каждый год по тридцать новых лиц в классе, и почти всех учеников она знает по фамилии. Перед моим отъездом из дома мама раскрыла профессиональный секрет, как отец дАртаньяна, провожая его в Париж, вместе с напутствиями снабдил его еще и склянкой с живительным бальзамом. Лошади, конечно, у нас не было, и взамен я получил билет на поезд в одну сторону.

Про куртку я записал целый абзац, настолько важным мне казалось это знать:

«Куртка, Лётчики, Средний тип человека MA-1 (MIL-J-8279) 0—60 по Фаренгейту (от -18 до +15 Цельсия), используется военно-воздушными силами США с 1950 года, Корея – синий (midnight blue), Вьетнам – зеленый (sage green), подкладка – оранжевый (indian orange). Патронташ на рукаве, петли на груди для кислородной маски, карманы, чтобы в них нельзя было засунуть руки. В левом кармане ярлычок с тремя полосками.

Чтобы больше не экспериментировать с такой уникальной вещью, как МА-1, Саныч взвешивает дубинку сначала на обеих ладонях, потом на одной, потом крутит, как копьём в фильме «Dragon Fist» с Джеки Чаном (1979 год), наставляя воображаемым острием на меня и возгласом «Оп-па!», потом перекидывает из руки в руку, потом пытается удерживать на весу двумя пальцами и, наконец, роняет прямо себе на ногу.

– Тьфу, ты, – морщась и потирая ушибленное место, говорит Саныч. – Забирай. Ну, ладно, я буду авиация, вернее даже, легкая авиация, а ты – так уж и быть – тяжелая артиллерия.

Достает из наколенного кармана штанов сложенный вчетверо журнал «Soldier of Fortune» и, аккуратно завернув в него дубинку, возвращает ее мне. Закамуфлировал, как сам потом выражается.

Вернее, нет. Сначала пролистывает журнал, безмолвно шевелит губами, будто читая что-то, хмурит брови и говорит:

– Важные записи тут, конечно, но ладно, для тебя ничего не жалко, отдашь потом, только не потеряй.

Если бы позволяли правила орфографии, я бы вообще его речь писал без запятых, он всегда так разговаривает, будто торопится куда-то.

Где уж он берет этот «Soldier of Fortune», ума не приложу, я, по крайней мере, ни в киосках «Союзпечати», ни на книжных развалах такой ерунды никогда не встречал. Раз из любопытства я взял почитать, но заскучал где-то между статьями «Расправиться с максимальным эффектом» и «Будильник – непобедимое оружие душмана». Саныч говорит, что это знаменитое издание американских наемников, со- врать, что привозят прямо из Америки было нельзя – журнал-то на русском – поэтому мне была рассказана легенда о каком-то там братстве десантников, которые доставляют специализированную литературу в нашу глушь из столицы.

Расспрашивать подробнее я не стал, чтобы не смущать, видно было, что история еще сырая и придумана на ходу. Саныч делает вид, будто у него этих журналов целая кipa, выворачивает наизнанку, чтобы обложки не было видно. А на самом деле их всего-то три. Три, ей-богу, не вру. Как-то, когда его не было дома, я делал уборку и нашел их, любовно сложенные в папку у него в тумбочке. Номера 2,3 и 12, и все за 1994 год. Тот, что он дал мне обмотать дубинку, был, к примеру, за декабрь 94-го.

Саныч старше меня на три года и кажется мне таким умудренным жизнью, что дальше некуда. Он откуда-то издалека, чуть ли не из Казахстана. Учится на четвертом курсе физ-

фака, потому что никуда больше поступить не смог, но ему на это совершенно наплевать, дать сыну высшее образование хотели родители, а сам Саныч уверен, что после универа непременно пойдет в армию, и именно в этом и есть его настоящее предназначение. Естественно, в воздушно-десантные войска. Кроме пресловутой МА-1 почти всегда носит армейскую линиялую серую майку, камуфлированные штаны с карманами на коленях и джинсовую бейсболку с длинным козырьком. Он стрижется под расческу, и почему-то выросил светлую бородку клинышком.

Десантников с бородой я, если честно, никогда не встречал.

Завербоваться в университетскую охрану – это идея Саныча. У него какие-то связи в профкоме, и, как он сказал, придя однажды в крайнем возбуждении, именно там ему «слили информацию» о возможности «на халяву поднимать реальные деньги». Слон сразу отказался.

Вообще, друг Саныча – это именно Слон, они с ним в одной комнате три года живут, а меня только в этом году подсадили. Третьим. Потому что на двоих там было слишком много жилплощади.

Слон – маленький, чернявенький и в очках, и прозвище у него вовсе не от слоновьей комплекции, как вы, наверное, уже поняли, а потому, как он сам объясняет, что много слоняется по университету. Как его на самом деле зовут? Понятия не имею. Честно. Слон – эстет, читает Шекспира и Шил-

лера в подлиннике.

Я бы тоже так хотел.

Он знает два языка, английский и немецкий, и даже, как рассказывает, переводит фильмы. Его послушать, так это именно он вещает тем самым знаменитым гнусавым голосом. По крайней мере, у нас в комнате есть, пожалуй, единственный на все общежитие видеоманитофон «Sharp» и куча кассет у платяного шкафа. Такое ощущение, что Слон-то, уж точно, все их пересмотрел. И не только их.

– Странная штука, – говорит он, к примеру. – Вчера в порнухе главная героиня была – ну, вылитая студентка с нашего журфака.

Ладно, такие заявочки, но ведь он делает вид, что без него вся фабрика грез, как минимум, объявила бы забастовку. Вид глубокомысленный, глаза, по обыкновению, красные, очки спускаются на самый кончик носа.

– Джеки Чан, говорят, скоро выпустит фильм в Голливуде.

У Слона это называется «вести интеллектуальную беседу». Он так и говорит нам, будто снисходя со своей каннской пальмовой ветви:

– Ну, что, парни, затянем интеллектуальную беседу?

Он, Слон, вообще всегда странно выражается. И это его протяжное «парни», и «беседа», думаю, не довели б его до добра, разговаривай он так в коридорах нашего малоинтеллектуального общежития. Если б не Саныч.

В блокноте я записал:

*«Саныч – физ. фак, 3 курс, каратист, Слон – фак.
романо-германской филологии, 4 курс, ботаник»*

Джеки Чан – любимый актер Саныча.

– Техничный и без пафоса, – говорит о своем кумире сам Саныч.

Фильмографию он знает наизусть и, кажется, подними его среди ночи, назовет без ошибок и «Big and Little Wong Tin Bar» (1962 год), первую кинематографическую работы Джеки, и даже, скажем, какой-нибудь «The Himalayan» (1976 год), в котором у знаменитого китайца крошечное cameo. На стене у Саныча, естественно, плакаты. «Drunken Master» (1978 год) и «Armour of God» (1986 год) – эти работы каждый пацан знает.

Это я сейчас свободно сыплю названиями, а поначалу ведь учил серьезнее, чем к семинарам готовился. Тут надо учесть еще и то, что Джеки Чан, между прочим, начиная с самого дебюта, каждый год в трех-четыре-пяти лентах снимался.

В моем блокноте пять страниц посвящено одному только перечислению названий, на русском и на английском.

Попробуй, запомни.

Настоящие фанаты именно так и делают.

Саныч занимался и карате, и кунг-фу. Он с легкостью жонглирует терминами, рассказывая об истории и школах боевых искусств, и фильмы «шаолиньского» цикла смотрит так внимательно, будто шедевры мирового кинематографа, и в такие моменты его лучше не трогать. Пару раз я видел, как Саныч, смешно пыхтя становился в какие-то стойки и делал, как он утверждал, дыхательные упражнения, а однажды даже продемонстрировал «йоко-ту-би-гири», так он называл удар ногой в сторону в прыжке. Во время этих экспериментов Саныч всегда имел вид насупленный и самодовольный.

Я долго думал, что это одни понты.

Пока к нам не пришли «местные».

«Общага» у нас стремная, то есть такая, где в любое время дня и ночи шастает всякая шантрапа, и всегда есть шанс нарваться на вражеский кулак. Такие персонажи – закачаешься. Ночью в темном переулке ни с кем из них я добровольно бы точно не стал встречаться.

Был Казбек, кажется, дагестанец, с прической а-ля Элвис Пресли и в вечном синем с тремя белыми полосками «адидасовском» костюме, который непременно насилывал каждую появившуюся новую симпатичную первокурсницу, и все ему сходило с рук, потому что, как рассказывали, его папаша за-

правлял в нашем захолустье кавказской мафией.

Был Зуй, тип с пудовыми кулаками и микроскопическим мозгом, трезвый – милейший улыбающийся идиот, зато стоило ему выпить, и на ушах стоял целый этаж. Зуй никого не узнавал и норовил уничтожить весь мир, и как-то даже оторвал от стены пожарный гидрант, после чего все обитатели близлежащих комнат полночи героически спасали свои жилища от потопа.

Был Серега Колодин по кличке Колода, который, как шептали у него за спиной, водился с серьезными бандитами. Памятен случай, когда Колода с приятелями отловил у туалета длинноволосого студентика-филолога с французского отделения из местных и предложил ему постричься. Студентик оказался, хоть и хипповатый, но не робкого десятка, ответил дерзко, за что был бит нещадно. Часть волос у него повыдергали прямо с кусками скальпа, была «скорая», милиция, и Колода чуть не сел, пару месяцев проведя в СИЗО, но потом объявился снова, сияющий и невозмутимый.

У меня в блокноте записано:

«Казбек – насильник, Зуй – пьяница, Колода – криминальный авторитет».

Но это все были наши, общажные, которых нам и бояться-то, вроде, не следовало, внутренние разборки всегда рано или поздно заканчивались миром. «Местные» считались силой неведомой и оттого гораздо более страшной.

Они постучали часов в шесть вечера, было еще не поздно.

Оба в черные кожаные куртки, но один – крепкий, почти квадратный, а второй – долговязый, с мутными остановившимися глазами. Крепкий сходу заехал мне в нос, и, после того, как я отлетел вглубь комнаты, они вошли.

– Че, в натуре, беса гонишь?! – сказал крепкий, взглядом обшаривая стены и, размахнувшись, саданул мне ногой поддых.

Со стены на него косились Джеки Чан из «Drunken Master» (1978 год) и Джеки Чан из «Armour of God» (1986 год). Крепкий досадливо рванул за бумажный угол того мастера, что был «пьянее» и пнул меня еще раз.

– Смотри-ка, еще и каратист попался! Тьфу ты! Как тюфяк!

Мутноглазый в это время залез в шкаф и широким жестом вывалил оттуда вещи. Я понял, что меня банально грабят.

– Пацаны, – пролепетал я с пола. – Давайте, договоримся.

– Ха, он договориться хочет, сука, – насмешливо сказал мутноглазый.

Он уже прикидывал на себя какой-то свитер. Свитер ему,

видимо, не подошел, и он принялся мерить «Куртку, Лётчики, Средний тип человека МА-1 (MIL-J-8279)», тихонько чертыхаясь, не в силах спяну сразу попасть руками в рукава. Такого святотатства судьба не вынесла. Крепкий пнул меня еще раз, и в этот момент в дверь тихонько постучали.

Тук-тук-тук.

– Кто это? – спросил крепкий, ухватив меня за волосы. Я помотал головой.

Тук-тук-тук.

Мутноглазый пошел открывать, и тут Саныч выбил дверь ему прямо в лицо. Он так и влетел в дверной проем в прыжке с вытянутой вперед ногой в клубях цементной пыли и обломках деревянного косяка. Как в фильме «Fearless Huena 2» (1983 год). Кажется, именно там герой таким образом навещал притон каких-то очередных негодяев.

Это было настолько эффектно, что крепкий отпустил меня, попятился, и сел на жопу где-то в районе подоконника.

– Ой, – смешно выдохнул он и, пытаясь отползти еще дальше, засучил ногами по полу.

Его товарищ тихо стонал, погребенный под дверью, на которой стоял Саныч в боевой стойке.

– Уф-ф, – весело сказал Саньч, утирая пот со лба. – А я думал, лишь бы они тебя вперед не отправили. Прости, брат, пришлось рискнуть.

За спиной у Саньча маячили, кажется, и Серега Колода, и Зуй, и еще кто-то. И так уютно мне стало от этого «прости, брат», что, отняв от лица окровавленные руки и посмотрев на них внимательно-внимательно, я немедленно отрубился, а отрубаясь, как во сне, заметил только, как в комнате образовался ураган из рук и ног,двигающийся к подоконнику.

Основную часть марлезонского балета я пропустил.

Не хочу даже предполагать, и не спрашивал никогда, что стало с крепким и мутноглазым, но после этого я их больше никогда не видел. Очнулся я на кровати, когда Слон, как медсестра, заботливо менял у меня на лбу влажный компресс.

– И часто у тебя такое? – спросил Слон.

На соседней кровати аккуратно разложена МА-1, будто еще один раненый. Оторванный край «Drunken Master» приклеен на место, да так, что шов даже с близкого расстояния незаметен. Саньч деловито ремонтирует дверь, в руке – молоток, во рту – гвозди.

– Нечасто, – сказал я. – Только, когда кровь увижу, а так –

никогда.

– Ясно, – сказал Слон. – Swoon. Обморок. Это злые духи голову морочат. Во всех мифологиях мира есть подобные истории. Говоря медицинским языком – обморок вазодепрессорный. Такие обычно у быстро растущих молодых организмов случаются.

Кажется, Слон знал все и обо всем.

– Я не организм, – сказал я.

И выдал. Про то, что, как минимум, каждый третий представитель человечества хотя бы раз в жизни испытывал на себе, что такое обморок. Что причиной могут быть и болезни сердца, и повышенное внутричерепное давление, и отравление. И что кратковременные потери сознания бывают при черепно-мозговых травмах и при эпилепсии. Выдал, как напугал всю семью, когда впервые грохнулся в обморок еще в детском саду, увидев, как хлещет кровь из моего собственного разбитого при беготне носа. Как я всегда предчувствую это за несколько секунд. Как подступает к горлу дурнота, а перед глазами расходятся радужные круги, сердце стучит в висках и кажется, будто погружаешься под воду. А потом темнота.

Когда я закончил, в комнате была полная тишина, и слыш-

но, как передвигается секундная стрелка висящих на стене часов. Секунда-две-три-четыре-пять-шесть-семь.

Со звоном покатались по полу выплюнутые Санычем гвозди, и он сказал:

– Ты глаза закрой, я тебя умыться свожу, а то весь в кровище. Увидишь себя в зеркало и опять вырубисься.

А Слон произнес задумчиво:

– Ничего себе приход... И никакая marijuana не нужна...

Так мы стали друзьями.

Голос у Слона, и правда, похож на перевод видео, монотонный и чуть гнусавый, но, если я зажимаю себе нос, получается не хуже. Про фильмы, может, он и врет, но Слона, на самом деле, кажется, знает каждый, когда он идет по институтскому коридору, ему приходится столько здороваться, что лучше выходить минут за тридцать до назначенного времени.

Так вот, вербоваться в охрану Слон отказался. Сказал просто:

– Саныч, как ты представляешь меня на этой пролетарской должности?.

Саныч не представлял.

Поэтому на пролетарскую должность пошел я.

В службе безопасности какой-то лысый потрепанный мужичок в пиджаке с засаленными едва ли не до дыр локтями, как потом выяснилось, ее начальник, осматривал нас, как покупатель лошадей, разве что на зубы не взглянул. Видимо, остался доволен, задал какие-то формальные вопросы, типа, знаем ли мы, какие телефоны у службы пожарной охраны и службы газа, и уже через час мы были приняты.

– Оружие, – сказал мужичок, – вам не полагается, но, вон какие вы здоровые ребята, с любым и без оружия справитесь.

И довольно рассмеялся.

Деньги, кстати, были вовсе не великие, так, гроши какие-то, но и обязанности наши оказались – не бей лежачего. Раз в трое суток обойти в поисках злоумышленников все аудитории, все запереть и сдать ключи ночному сторожу. Формально наше дежурство продолжалось с шести до десяти часов вечера, но на самом деле, чтобы не соврать, на все про все мы тратили часа полтора, не больше. Плацдарм, в принципе, небольшой.

В 18:00 встречаемся на вахте на первом этаже, у входной двери, берем у сторожа тяжелую связку ключей и начинаем обход. Аудитории №№100, 101, 102, 103, 104, 105 – маленькие, в каждой мест тридцать, не больше. Здесь всегда много

мусора, смятые страницы тетрадей, пустые сигаретные пачки, яблочные огрызки, но это не наша забота.

Утром приходит уборщица.

Закрываем, закрываем, закрываем. Вся процедура, если не заходить в аудитории, а только заглядывать, занимает пятьдесят шагов.

Я подсчитывал от скуки.

У меня хорошая память и с арифметикой никогда не было проблем.

По лестнице на второй этаж. Здесь уже не все так просто. Очень скоро мы знали, как Саныч выразился, все университетские «эрогенные зоны», те кабинеты, которые не освобождаются, как все остальные, до шести вечера и, соответственно, доставляют нам определенное профессиональное беспокойство.

Все номера занесены в блокнот:

«205, 202, 200, 108, 320 – после 18-ти».

Аудитория №205. Допоздна заседают кришнаиты, поначалу не вызывающие никаких подозрений бритоголовые люди в ярких одеждах с немного безумными глазами. Эти громко пели и веселились, но ровно до оплаченного времени, всегда незаметно исчезали в половине десятого, а если и задерживались, увлеченные похожими на залихватские куплеты молитвами, достаточно было заглянуть и многозначительно посмотреть на часы.

– Не такие уж они безобидные, – задумчиво сказал Слон, когда мы ему рассказали о 205-ой.

Слон у нас считается специалистом по религиям. Религиоведом, так сказать. На первом курсе, как рассказывают, он чуть ли не месяц кормился в общине кришнаитов. Времена были голодные, а у этих солнечных детей Кришны всегда на столе был рис с изюмом или какими-нибудь индийскими специями. Главное, было вернуться в цветастое китайское банное полотенце, которое в те дикие времена вполне сходило за сари, и непременно разуться на входе.

Правда, прежде чем лопать, выхватывая прямо руками самые аппетитные куски, нужно было выслушать «харе кришна, харе кришна, кришна кришна, харе каре, харе рама, харе рама, рама рама, харе харе» ровно сто раз.

Так, по крайней мере, гласит легенда.

На этом обленившийся от халявного риса Слон и спалился. Обычно он считал, сколько раз произнесли мантру его гостеприимные кормильцы, аккуратно загибая пальцы за спиной, а тут вдруг сбился со счета. И бросился к мискам, когда священное стихотворение прозвучало лишь в 89-й раз. Оправдываясь, Слон сослался на Каббалу, неуклюже опрокинул блюдо с, если честно сказать, опостылевшим уже рисом и, чтобы окончательно загладить вину, сложил руки перед грудью и смиренно произнес «Аминь!».

В ходе короткого, но агрессивного расследования выясни-

лось: мало того, что никто, оказывается, не приглашал на ритуальные пляски наглого очкарика, он – вовсе не кришнаит, а очень даже наоборот, не знает простейших мантр, да еще и попахивает алкоголем. В общем, обалдевшие кришнаиты натуральным образом обшмонали Слона, вытащив из потайного кармана фляжку с коньяком (который тут же торжественно и вылили в огонь) и пообещали, если увидят еще раз, непременно накостылять, несмотря на весь пропагандируемый пацифизм.

Этот жизненный опыт давал Слону полное право философствовать таким образом: «Ложь и правда, как и добро со злом – вещи относительные. Один человек дал обет говорить только правду. Однажды мимо него пробежал другой человек, за которым гнались разбойники. Он попросил: „Пожалуйста, не выдавай меня, не говори, в какую сторону я побежал, иначе меня убьют“. Когда приблизились разбойники, человек решил не нарушить свой обет и сказал правду. В результате беглеца догнали и убили, правдолюбец же попал в ад. В таких случаях обман ради блага оправдан.»

Вроде, это старинная индийская притча, которую Кришна рассказывал своему другу Арджуне.

То есть, бог рассказывал человеку.

Саньч поведал мне по секрету, что у Слона, будто бы, еще и возник роман с подругой руководителя общины, которого величали не иначе как брат Ху. Так вот, этот брат Ху, по словам Саньча, не захотел делить свою сестру Ху с каким-то

там ху с горы, и спровоцировал весь этот межрелигиозный конфликт.

В общем, карьера кришнаита у Слона не сложилась.

20 шагов. №№204, 203.

В №202 вечерами проходят дополнительные занятия, то у историков, то у физиков, то у журналистов. Как-то мы с Санычем стали свидетелями, как девушка лет двадцати в очках и со смешной толстой косой до пояса, как бы это сказать, орально удовлетворяла преподавателя прямо в проходе у кафедры.

– Прямо в проходе у кафедры, – прошептал Саныч и выразительно задвигал языком у себя во рту, наглядно изображая, что именно происходит у кафедры.

У Саныча были выпученные глаза, красная то ли от смущения, то ли от возбуждения рожа и хитрющий вид. Это произошло, когда я обнаружил его у 202-й, стоящим на скамье и прильнувшим к окну у самого потолка. Это, пожалуй, даже не окна, а такие узкие амбразуры, как в средневековых замках, которые, видимо, для дополнительного освещения, прорезаны у нас по всему корпусу в стенах между аудиториями и коридором. Но сделаны они так высоко, что заглянуть в них можно только со скамьи. Или обладая ростом под два с половиной метра. Саныч поднес палец к губам, чтобы я молчал, и показал на место рядом с собой.

– Видал, как экзамен сдать хочется. Очки даже снять не успела, – не отрывая взгляда, прошептал Саныч. – Запотеют же.

Я забрался на скамью рядом, стараясь не шуметь.

– Коса какая смешная, – шептал Саныч. – Да-а, есть еще женщины в русских селеньях.

Было слышно сопение и едва уловимый скрип старой кафедры. Я поднялся на цыпочки.

– Вот сволочь, – шептал Саныч. – Старый, толстый, бородастый, а девчонке всего-то лет двадцать, не больше.

Воображение дорисовывало остальное в подробностях.

У меня зрение – минус пять. С детства. То есть, не с рождения, конечно, а класса с третьего, наверное. Мама обнаружила, что я, силясь рассмотреть что-то важное на экране телевизора, так щурю глаза, что становлюсь похож на представителя монголоидной расы. Визит к офтальмологу подтвердил опасения – миопия средней степени.

Видимо, тяжелая степень – это уже неизлечимая слепота. Моя, видимо, считалась излечимой.

Я ходил заниматься физкультурой для глаз. Следил за ез-

дядей слева-направо и вверх-вниз красной звездочкой. В очках разных диоптрий пытался прочитать буквы проверочной таблицы. ШБ. МНК. ЫМБШ. БЫНКМ. Дальше пятой строчки дело ни разу так и не продвинулось.

Я вечерами смотрел на горящую свечу. Это методика йогов. Очищение зрения. Смотришь, не моргая. Пока не заплачешь. Пока в огне тебе не начнет мерещиться танцующий Кришна. По три раза каждый день. Интересно, пользовались ли такой методикой приютившие Слона кришнаиты?

Мне сделали операцию по пересадке глазной ткани. «Склеропластика» называется. Не знаю, почему, но врачи уверяли, что после этого зрение исправится. Оно не исправилось, только на правом глазном яблоке так и остался голубоватый шрам. Его видно, когда я смотрю вправо и вниз.

В очках я ходить не хотел категорически, придумал даже, что у меня в них голова кружится. Предмет, на самом деле, крайне неудобный, пылится, запотеваает, чуть что, с головы сваливается и норовит разбиться. Попробовал линзы. Они тогда были только стеклянные, их специально для меня на каком-то там заводе производили аж три дня. Но оказалось, что даже для того, чтобы их вставить в глаза, нужна особая сноровка, которой я так и не смог овладеть. Минут сорок тратилось на то, чтобы линзы надеть, это стоило невероятных моральных и физических усилий, веки все время дергались и выталкивали инородное стеклянное тело. Но и после этого глаз чувствовал стекло, болеть не пе-

реставал ни на секунду, а минут через двадцать боль становилась невыносимой, и линзы приходилось спешно вытаскивать. Промучавшись так недели две, я охладел к передовой технологии.

С тех пор я привык ориентироваться больше на слух и, пожалуй, даже на запах, чем на зрение.

Рассказывать об этом кому-либо стеснялся.

Вроде как, инвалид неполноценный.

– Ну, видишь? Видишь? – шептал Саныч.

А у меня перед глазами только ряды парт да два разноцветных пятна. Наверное, те самые преподаватель и студентка.

– Ага, – шептал я в ответ. – Совсем обнаглели.

Мне уже казалось, что различимы и очки, и коса, когда Саныч их пуганул. Прямо со скамьи, дотянувшись до рубильника, выключил свет во всем корпусе. Проводка почему-то расположена таким странным образом, что электричество именно в этом месте отключается во всем комплексе зданий. Возможно, какая-то военная хитрость, о сути которой все давно уже забыли. Чтоб, уж точно, никто не догадался.

– Что это? – услышал я испуганный голос девушки.

Голос был высокий, но в то же время чуть с хрипотцой. Сексуальный, как на мой вкус.

– Вот черт! – это уже лектор.

Какой-то легкий звон, наверное, что-то с очками. Мы замерли. Шепот. Не разобрать. Шуршание – лектор одевается, и вот они уже хлопают дверью и пулей несутся к лестнице. Он, кажется, держит ее за руку. Мы сливаемся со стеной, и, когда они пробегают мимо, я чувствую, как за ними остается шлейф каких-то сладких-сладких, почти приторных женских духов. От таких кружится голова. И от духов. И от женщин. Как только они скрываются, Саныч заходится в истерическом хохоте.

Я иногда его не понимаю.

Саныч, вроде, пользуется успехом у женщин, но как-то не особо их жалует. Возвращаясь под утро от очередной пассивности, он всегда хмур, от расспросов отмахивается и брезгливо морщит чуть опухшее то ли от вчерашнего алкоголя, то ли от бессонной ночи лицо. Зато за пивом Саныч о своих любовных приключениях заливался, как соловей, всегда педантично упоминал, на какой день «пала крепость», и выходило, что, пожалуй, во всем городе больше не осталось не оплодотворенных им женских особей. Слон в приливе откровен-

ности во время очередной «интеллектуальной беседы» туманно намекал на какую-то несчастную юношескую любовь, от которой хрупкая душа Саныча была искалечена, но подробнее интересоваться я не стал.

Кстати, кто не знает, во всех фильмах с Джеки Чаном нет ни единой сексуальной сцены.

До следующей «эрогенной зоны» ровно 30 шагов. Мимо №201.

№200 – профком. Тот самый, где у Саныча, по его словам, есть связи. Правильнее назвать это даже «студенческий профком», потому что занимается он только студенческим трудоустройством. Надо сказать, когда мы с Санычем приходили трудоустроиваться, никто не выказал к нему особого дружеского расположения.

– А-а, это вы, – лениво протянул рыжий носатый тип в очках. – По поводу охраны? Это вам сразу в службу безопасности надо. Ли-и-ин! В каком у нас кабинете безопасность?

Рыженькая девушка, похожая на лисичку, покопалась в бумажках и пожала плечами.

– Найди, а, – очкарик, видимо, был тут главным.

– Профсоюз рыжих какой-то, – прошептал я.

– Тс-с, – зашипел на меня Саныч. – Это Лева Шницель. Председатель профкома. Очень важная персона.

Носатый Шницель, кажется, сразу же забыл о нашем существовании. Раскачиваясь на стуле, он принялся по телефону обсуждать с каким-то Иваном Петровичем количество мест в каком-то там лагере. Ходили слухи, что в профкоме стоит сейф, в котором хранятся деньги на оплату общественно полезного труда, типа такого, как у нас, и студенческие путевки, которые распределяют среди самых активных. Сейф, действительно, стоял огромный, в половину человеческого роста, коричневый, с массивным кольцом вместо замка. Я как раз занимался тем, что разглядывал сейф повнимательнее, поочередно прикрывая то один, то другой глаз, хотя при всем желании увидеть цифры в кольце никак бы не смог, когда рыженькая девушка, отыскав что-то в своих неиссякаемых бумажках, назвала нам номер кабинета службы безопасности.

– Алина Малина, – мечтательно сказал Саныч, как будто эскимо облизывал, когда мы вышли. – Под напором моего обаяния крепость пала уже на вторые сутки.

Я пожал плечами.

Меня удивило больше не то, что он спал с рыженькой Алиной – Саныч говорил это о каждой – а само сочетание «Али-

на Малина». Как будто, рифмуя имя и фамилию, родители изначально готовили ее к публичной деятельности.

Или просто обладали странным чувством юмора.

Полагаю, что из-за сейфа ключи от «двухсотой» нам не доверяют, а напротив двери установлена камера видеонаблюдения. Иногда, проходя мимо, я приникаю ухом к холодному железу и через дверь слышу, что там кто-то дышит. Шумят компьютеры и звенит ложечка о стенки кофейной чашки. Наверное, рыжий Шницель болтает по телефону, и рыжая Алина Малина готовит ему кофе.

В блокноте значится:

«Шницель, Алина Малина – рыж. из профкома».

Спуститься на первый этаж, мимо вахты, 60 шагов.

№108 – вечные экзамены по политологии. Не знаю уж, что это за наука такая, где отвечать на вопросы нужно с девяти часов утра до девяти вечера. И ощущение такое, будто у них экзамены едва ли не каждую неделю.

Саньч рассказывал, как он сдавал политологию. На лекции, конечно, не ходил вовсе, но преподавателем была, по его словам, молоденькая аспирантка Евгения Александровна, и, когда Саньч появлялся на ее семинарах, он обязательно садился на первую парту и под столом гладил аспирантку по коленке. Та смущалась, краснела, но виду не подавала, то ли от смущения и неопытности, то ли брутальные ухаживания Саньча ей на самом деле нравились. На экзамене, будто бы, Евгения Александровна все время подсовывала

дополнительные вопросы, не давая закончить ответа, а, когда они, наконец, остались наедине, бурно отдалась ему прямо на парте.

Во что верится с трудом.

По дальней лестнице – опять наверх, на третий. Вместе со ступеньками 200 шагов.

Кажется, я смог бы пройти по этому маршруту наощупь.

Еще одна бронированная дверь, ключей от которой у нас нет – №320 – университетский телецентр. Название громкое, а на самом деле, две комнатки, куда приходят серьезные лохматые ребята и такие же серьезные коротко стриженные девушки с факультета журналистики. Что они там делают, за бронированной дверью, никто не знает. Саныч как-то спросил, успев сунуть ногу между дверью и косяком, на каком, мол, канале можно увидеть вашу замечательную продукцию. Ответом была усмешка одной из коротко стриженных. И внимательный взгляд голубых глаз. Или какие они там у нее еще. И опять аромат сладких-сладких сногшибательных духов. И дверь продолжила движение по привычной траектории. И нас с Санычем проводило отчетливое жужжание видеокамеры. Здесь ее почти совсем не видно, красный огонек над дверью можно принять за сигнализацию или что-нибудь еще. Ощущение такое, что разговаривать с людьми они могут только через этот объектив.

Остальные аудитории обычно, когда мы приходим, уже пусты. Мы дурачимся, Саныч изображает преподавателя,

читая курс «Введение в теоретическую механику», по-моему, это последнее, что он сдавал честно, без лапанья коленок, медицинских справок, связей и финансовых вливаний. Потом мы строим ДЗОТ, сдвигая в центр аудитории парты.

Если кто не знает, ДЗОТ, как утверждается в моем дневнике:

*«дерево-земляная огневая точка, использ.
преимуществ. во время войны 1941—45 г.г.»*

Парты – отдельная история.

Наш доход.

Наша гордость.

– Партозаводчики, – насмешливо называет нас Слон, но коммерческий успех предприятия, кажется, даже он оценил.

Первую парту мы притащили себе. Что поделаться, если комната общежития оснащена только тремя панцирными кроватями и встроенным шкафом. А где пить чай, скажем, или водку, или вести «интеллектуальные беседы»? Университетский устав на этот вопрос ответа не дает. Когда мы попали в охрану, Саныч долго высматривал, что где плохо лежит, и получалось, что ничего и нигде. Все ценное мало того, что в сейфах, так еще и под камерами видеонаблюдения, не подкопаешься.

И только недели через две нас осенило – тогда, кстати,

кажется, мы тоже сдвигали ДЗОТ – полномочия службы безопасности дают доступ к практически неограниченному партному ресурсу. Даже приблизительные вычисления выдавали астрономическую цифру – две с половиной тысячи штук. Можно хоть весь город обеспечить.

Технологически все оказалось просто. Даже выходить на улицу не нужно. Ключи от перехода из корпуса в общежитие – у нас – открываешь, выносишь, закрываешь, распределяешь оставшиеся парты равномерно по аудитории; и никто никогда не узнает, что их стало меньше.

– Да-а, – задумчиво протянул Слон, положив локти на только что внесенный в нашу комнату предмет интерьера. – Это ж золотое дно! Bonanza!

Произвел нехитрую калькуляцию, и вышло, что это чуть ли не самый выгодный в мире бизнес-проект. Затраты нулевые, прибыль стабильная, а до насыщения рынка еще ой как далеко, без стола ни одни мы в «общаге» страдали. Слон взял дело в свои предприимчивые руки, и вскоре клиенты к нам пошли сплошным нескончаемым потоком. За дополнительную плату можно было подобрать парту под цвет обоев или прикинуть ее примерные габариты, чтобы вошла между шкафом и кроватью. Университетский запас мебели, скорее всего, пополняли с завидной регулярностью, поэтому парты имелись разных размеров, расцветок и модифика-

ций: металлические, деревянные, с ящиком внутри, откидные, двойные и одинарные.

Действовали мы осторожно и еще ни разу не попались. Благо обитатели «эрогенных зон», которые задерживались в аудиториях допоздна, происходящим в коридорах интересовались мало, а ночной сторож редко покидал свою дислокацию на первом этаже. Мимо него Великий Партовый Путь («Great school desk way» как назвал все предприятие интеллектуал-Слон) не проходил.

Успела сложиться своя традиция.

Саньч, как фабрикант в дореволюционной России, руки в брюки, во рту спичка, обходит всю аудиторию, поглаживает парты, даже принюхивается, кажется, обязательно вчитывается в разноцветные надписи, будто пытаюсь найти в этих «Сосу за копейки» или «Илюха – шлюха» глубинный смысл. Потом, в один миг решившись, хлопает ладонью по крышке: «Вот эту!».

И перечить ему ни в коем разе не могли.

В тот день – я помню это отчетливо – искали парту на заказ. Вите Мерину. Выбрали современную, черную, лакированную, на черных металлических ножках. Мерин – первейший в «общаге» коммерсант, торгует всем: сигаретами, водкой, шоколадками, а однажды, как рассказывают, продал целый состав сахара, так ни вагонов, ни этого сахара ни разу и не увидев. Удивительно еще и то, что все торговые операции Витя умудряется производить по единственному в «об-

цаге» телефону-автомату.

По этой причине автомат всегда занят.

Витей.

Мерин – модный парень, и комнату свою оформил в готическом стиле, поэтому и парта ему нужна под заказ, как он сказал, типа, «вторая в среднем ряду в кабинете основ безопасности жизнедеятельности». Ему и невдомек, что нам нет никакой разницы, откуда тащить, а вот за нестандартный заказ можно сорвать с буржуя-толстосума втридорога.

– Слушай, Веник, – сказал Саньч. – Сегодня в общаге по кабелю «Crime Story» показывают. Новый фильм с Джеки Чаном. Умри, но посмотри.

Веник – это я. Вообще-то, меня зовут Вениамин, но полное имя даже меня самого смущает. Поэтому, пусть будет Веник. Или Benjamin. Как меня на свой манер величает Слон.

Я не обижаюсь.

Поступать я приехал со своей командией, целое купе в поезде занимали. Только все они мечтали попасть на экономический, и вылетели сразу же, на «двойки» написав сочинение. Я собирался идти по маминым стопам, подал документы на матфак, и прошел. Ни одного знакомого в университете у меня не было, с кем жить, было абсолютно все равно, поэтому при заселении я и попал в комнату к старшекурсни-

кам. И не жалею, между прочим.

– Предупредим ночного, что нас не будет часик, закроемся в общаге изнутри, чтобы никто из корпуса все парты не повыносил, а к десяти вернемся, а? – сказал Саньч, берясь за один край черной лакированной красавицы.

– Ну, пойдем, – сказал я.

И взялся за второй край.

Мешала дубинка, я было положил ее на парту, но мы с Саньчем разного роста (я выше сантиметров на пятнадцать), поэтому равновесия никак не получалось, и она скатывалась то в одну, то в другую сторону. Саньч плюнул, попытался было пристроить ее к «МА-1», вспомнил, что это невозможно, еще раз плюнул и забросил дубинку в батарею.

Не бзди, – ответил на мой немой вопрос. – Не возьмет никто. На обратном пути захватим.

В тот день дежурил Бобер. Фамилия, кажется, у него такая, Бобров. Старикашка что надо. С легким пушком седых волос вокруг лысеющей макушки и вечно кирпичной мордой. Цвет морды объяснялся сильным пристрастием Бобра к разного рода горячительным напиткам. Будучи трезвым, он вечно лишь надувал щеки, и видно, было, как ему нехоро-

шо, по венам, натужно вздувавшимся на шее. Зато под градусом становился разговорчивым до крайности. Как-то он рассказал нам леденящую душу историю, как, будучи еще совсем юным бобренком, работал на крупном строительстве и там с рабочими хлебнул эфира, в котором, по словам Бобера, было градусов 80. Где они взяли пресловутый эфир, и что это вообще такое, история умалчивала.

– Голубой такой и тягучий-тягучий, как водка, которую только что вынули из морозильника, – сладко вспоминал Бобер, хотя последствия этих экспериментов с допингом были вовсе не такими сладкими, как хотелось бы.

Юный Бобер, по его же собственному признанию, обладал тогда богатырским здоровьем и оказался единственным выжившим из тех, кто участвовал в памятной эфирной попойке.

– Идите, сынки, – благодушно благословил Бобер.

И в 19:30 с партой наперевес мы довольные ввалились домой. В комнату №319 общежития №2 КемГУКИ. До начала фильма оставалось 15 минут. Могу утверждать это совершенно точно, потому как сразу обратил внимание на необычное неровное время трансляции – 19:45 – при желании, кстати, это легко проверить по программе. Мы боя-

лись опоздать, а часы на стене показывали 19:30, и можно было расслабиться.

Слон с Вадиком гоняли склоконей.

Дули дурь.

Забивали ганджубас.

В общем, курили марихуану.

А так как курили они преимущественно одним и тем же составом, то за долгое время совместных затяжек успели выдумать и целую свою наркоманскую мифологию. Со стороны выглядело абсолютно невменяемо, но, как я понял уже позже, значительно упрощало общение замутненных дымом сознаний. И позволяло соблюдать конспирацию, у чужих разговор Слона и Вадика вызывал, вероятно, только недоумение. Это, как анекдот о том, что люди присвоили всем анекдотам порядковые номера, и смеялись потом уже только над цифрами.

– Меня обуял Пивной склоконь, – говорил, к примеру, Слон. – Ты как?

– А я в когтях у Фиксажа, лучше бы Диана явилась, – отвечал Вадик.

– На все воля Глазовыдавливалкина, – подытоживал Слон.

Перевозу: Слона слишком, как ему кажется, прет, и он не прочь бы чуть-чуть обломиться, попив пива или чего-нибудь еще, а Вадик впал в наркотическое оцепенение, не в силах идти куда-либо и готов реагировать исключительно на женскую ласку.

Что изначально обозначало слово «склоконь», думаю, никто уже и не вспомнит, но со временем это понятие трансформировалось для обкуренных подростков в «нечто вроде божества». Постепенно появилась и стройная иерархия, основанная на древнегреческой «олимпийской» системе. Аналогия, впрочем, далеко не всегда была полной. Слоны с Вадиком обладали куда более буйной фантазией, чем древние римляне, которые просто перевели имена олимпийских богов на свой язык.

Верховный склоконь носил вполне себе славную славянскую фамилию Глазовыдавливалкин. Он нес ответственность за все, что связано с приходом, и наименование, видимо, получил от некоторой тяжести в глазах и покраснение белков, свойственное любителям легких наркотиков растительного происхождения. Это такой наркоманский Зевс, мудрый, все контролирующий и обладающий страшным оружием в виде передоза вместо молний.

Его жена склокобыла Диана (скорее всего, аналогичная древнегреческой Гере) никаких особых функций не несла и символизировала собой боевую подругу наркомана, которая тоже иногда не прочь дунуть. Надо сказать, женских пер-

сонажей на этом Олимпе было всего два. Вторая склокобыла Стелла (вероятно, Афродита) не курила и поэтому введение была в мифологию, по словам Слона, просто для красоты. Обе все же несли некий заряд сексуальности, потому что считалось, что заниматься сексом по обкурке, по меньшей мере, прикольно.

Склоконь Пастераздиралкин (Аид) приходил вместе с лютой изменой, когда боишься всего, и чем больше об этом думаешь, тем сильнее боишься. Если уж схватил тебя Пастераздиралкин – пиши пропало – будет держать, пока действие травы не отпустит.

Склокони Пивной (возможно, Дионис, ответственный за разного рода оргии), Достань (Гермес, по мановению которого появлялись новые дозы), Морок (дурманящий голову, возможно, бог насмешки Мом), Шоколадный (Аполлон, символизирующий ни с чем не сравнимое удовольствие, когда пробивает на хавчик, и ты покупаешь сразу десяток шоколадок и ешь-ешь-ешь их). Еще браться-склокони Форсаж и Фиксаж, приносящие: первый – реактивные реакции и желание бурной деятельности, а второй, наоборот – затоможенность и ступор. Аналога им в древнегреческой мифологии я, честно говоря, так и не обнаружил.

Так и записано в блокноте:

«Склокони: Глазовыдавливалкин – Зевс, Пивной – Дионис, Диана – Гера, Стелла – Афродита, Пастераздиралкин – Аид, Достань – Гермес,

Были и еще какие-то мелкие склоконечки, вносить которых в список я, видимо, посчитал излишним. Так и не запомнил. Далее, на нескольких страницах, подробно изложены истории о каждом склоконе. Вот, к примеру, справка о Пивном:

«Пивной – склоконь-воин, невиданной силы и невиданной красоты, с волнистой золотой гривой, перед которым не может устоять ни одно живое существо женского пола. Считается, что он сын Пастераздиралкина, и отец наделил его эксклюзивным правом гулять по воздуху и по воде, как по земле (остальные склокони либо плавают, либо летают, никогда не соединяя две эти способности).

По версии Вадика, произошел от закопанного в землю использованного презерватива (отсюда и неукротимая мужская энергия) и склоконом в полном смысле этого слова изначально не был, а получил привелегии благодаря своим исключительным способностям в мордобое и соблазнении.

Пивной одинаково равнодушен к склокобылам, к земным женицам и алкоголю, что, собственно говоря, следует уже из одного только его имени. Однажды он влюбился в дочку самого ректора КемГУКИ Милу Яновскую, но строгий папа, Мирослав Львович, обещал отдать ее в жены Пивному, только

если он напоит весь университет. Никто не думал, что это возможно, но

Пивной устроил такую вечеринку, что стены шатались, и даже первокурсницы исторического факультета, нажравшись, как последние забулдыги, блевали на мостовую со второго этажа. Мирослав Львович, однако, все откладывал свадьбу, и Пивной, рассердившись, заманил Милу к себе в логово и силой овладел ею.

По версии Вадика, влюблен Пивной был в самого ректора, но тот, как отчаянный и неисправимый натурал, не понимал чувств золотогривого красавца, и любовь пришлось проецировать на Милу, соответственно, вступая с ней в связь, Пивной представлял, что трахает ее отца, что в моральном смысле так, в принципе, и было.

В ответ на насилие над собой\дочерью Мирослав Львович нанял 40 ребят с Южного микрорайона, и Пивному досталось так, что у него отслоилась сетчатка обоих глаз, и он почти потерял зрение. Не желая сдаваться, искалеченный Пивной в сопровождении приятеля (по версии Вадика, с приятелем его тоже связывали не одни только дружеские отношения) семь дней шел на восток и, наконец, достиг того места, где зажигается заря. Там обитала склокобыла Стелла, ответственная за восход солнца. Красивая до умопомрачения, с всегда

чуть розовыми, будто от возбуждения, щеками, падкая до мужчин (отсюда, кстати, у большинства из них возникает утренняя эрекция) Стелла была настолько поражена сексуальной привлекательностью Пивного, что немедленно сделала его своим любовником и, кроме того, излечила прогрессирующую слепоту пучами восходящего солнца.

Пивной свою жизнь среди склоконей начал с того, что пудовыми кулаками разогнал вокруг Стеллы всех поклонников и, вместо того, чтобы успокоиться, не выходя из обычной алкогольной комы, слету переспал с семью лучшими стелкиными подружками. Сонму верховных склоконей это, понятное дело, не понравилось, потому что они исповедовали принцип равновесия всего сущего в природе, а Пивной это равновесие явно нарушал.

Чаша терпения переполнилась, когда он вдобавок изнасиловал еще и склокобылу Диану, официальную подругу Глазовыдавливалкина. По версии Вадика, Диана сама была не прочь, но, когда ее застукал Глазовыдавливалкин, немедленно придумала предательскую версию об изнасиловании, зафиксировав в небесном бюро судебно-медицинской экспертизы побои, полученные на самом деле во время бурного, на грани, секса с Пивным.

Так или иначе, Пивной на этот раз вызвал гнев уже

не людского, а склоконского сообщества. По поручению Глазовыдавливалкина Морок заморочил Стелле голову, наслав на нее ревность, и она убила любовника, накачав марихуаной, серьезное потребление которой для любителей алкоголя смерти подобно.

По версии Вадика, Пивного сожрала выдуманная и оживленная тем же Мороком Измена, что, впрочем, классической версии, по-моему, вовсе не противоречит. Пивной не умер, конечно, так, как понимают это люди, потому как бессмертен, но с тех пор был лишен права возвращаться в склоконских сферах, переключившись исключительно на сферы человеческие, выполняя, по сути, функции искусителя. По мнению Слона, истории о Пивном склоконе объединяют миф об умирающем (и, естественно, потом воскресающем) боге и древнейшие легенды о борьбе героя-одиночки с системными верховными божествами.»

Вадик – автор альтернативных склоконских версий, приятель Слона и вечный партнер по накурке. Между прочим, он, кажется, преподаватель и, кажется, той самой политологии, которую сдают вечерами студенты, мешая нам спокойно работать. Правда, в университете я Вадика никогда не встречал, и не очень представляю его в роли наставника. Если только он не новый Тимоти Лири.

На Вадика в блокноте никакой краткой характеристики не было.

О-о, техасские рейнджеры, – радушно сказал Вадик, открывая нам дверь. – Уже спасли мир? Пришли отдохнуть от забот о судьбах человечества?

Наша служба и опа-а-асна и трудн-а-а, – дурным голосом пропел Слон.

В комнате стоял густой кумар.

А знаменитая рейнджерская дубинка где? – глумливо поинтересовался Вадик.

Ха, – немедленно отреагировал остроумный Слон. – У Саныча на бороде. Курить будете?

И, не дожидаясь ответа, достал из нагрудного кармана еще не взорванный патрон с анашей.

Все сделали по затяжке.

Кроме Саныча.

Он принципиально не курил никогда. Как-то в приступе откровенности, он объяснил мне, что страшнее для него всегда был даже не вред для здоровья, наносимый наркотиками организму, а то состояние блаженной беспомощности мозга, который, кажется, начинает, вкусив анаши, жить своей, отдельной от остального тела жизнью. Из этого я сделал вывод, что Саныч пробовал. Но он добавлял сразу же, что на тра-

ве еще никто не останавливался, рано или поздно, мол, любой торчок переходит на героин, а это – концентрированная смерть. И так далее. В таком морализаторском духе, и такими стереотипами, что в компетентности Саныча я засомневался.

Еще по одной затяжке.

Еще по одной.

– Красивая, – задумчиво сказал Вадик, проводя рукой по парте. – Гладкая. Как будто, маслом намазана.

– Ага, – подхватил Слон с воодушевлением. – Ей только в рекламе сниматься.

– Реклама масла, – засмеялся Вадик. – «Вмажься».

Саныч поморщился и включил телевизор. В видеомагнитофон вставил кассету, чтобы потом, если понравится, была возможность пересмотреть.

Слон и Вадик захохотали, сгибаясь пополам, и стало ясно, что это далеко не первый косяк за сегодня. У Слона вид был совершенно уставший и какой-то виноватый что ли. Он отводил глаза и даже смеялся прерывисто, будто лаял. Он был полностью одет, наверное, собирался куда-то. Видно было, что его разрывают Форсаж и Фиксаж, но в итоге, пометавшись, Слон успокоился и уселся на место.

– Витек деньги заносил? – деловито спросил Саныч, размещаясь перед телевизором.

– Не-е, – Слон поднял лицо. – Предлагает товаром отдать. Видеокассетами, говорит, может.

– Кассетами? Какими? – Вадик заинтересовался.

Не все ли равно? Хорошими. Качественными. Их же всегда продать можно.

Кассеты марки «У Мерина». По умеренным ценам.

Оба опять согнулись в приступе безудержного смеха. Саныч махнул рукой и уставился в экран. Там Джеки Чан привычно молотил всех руками, ногами и головой. Падал, вставал, летел и бежал куда-то, и сюжет, как всегда, был второстепенным, а главным – ужимки и прыжки главного героя.

Я почувствовал, что ко мне мягкой поступью подкрался Глазовыдавливалкин. В голове появилась приятная дурманящая тяжесть. Все отступило на второй план, стало неважным, а мысли начали настолько осязаемо ворочаться внутри черепной коробки, что, наверное, забравшись ко мне в ухо, можно было ухватить какое-нибудь особо нерасторопное умозаключение за пушистый хвост. Мне представлялось,

что все мои мысли оформлены в виде разноцветных чисел. Важно проплывала алая «сотня», за ним пряталось фиолетовое «двадцать два», потом пара зелененьких «троек», желтый «ноль», черная «единица». Я ведь и на математический факультет пошел, потому что цифры люблю с детства. Мама рассказывала, как я, еще читать не умел, а уже решал пи помощи кубиков простейшие примеры. Сложить, вычесть и даже умножить и разделить. В старших классах я порой давал правильный ответ раньше, чем успевал хорошенько подумать. Цифры сами складывались в стройную систему, картину, подобную полотну, созданному мазкам импрессионистов.

«200» всегда носило ярко выраженный грязно-рыжий оттенок. «205» – наоборот, ярко-желтый, как индийские сари в болливудском кино. Я сам не заметил, как переключился на раздумья о кабинетах – «эрогенных зонах». У «202» явно ощущался еще и запах. Тех самых духов, которые, кажется, я и раньше встречал где-то. Может, даже в общезжитии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.